

Татьяна КРИНИЦКАЯ

Родилась в Красноярске. Окончила Горьковский государственный пединститут (историко-филологический факультет, выпуск 1980 года). Работала в СМИ – корректор, корреспондент и обозреватель в газетах «Саров», «Саровская пустынь», «Городской курьер», «Новый город» и «Вести города», редактор Центра развития Саровского инновационного кластера.

Лауреат ряда всероссийских журналистских конкурсов, дипломант межрегионального литературного конкурса «За далью – даль» и международного литературного конкурса «Русский Гофман».

Живет в Сарове.

ОКАЯННЫЕ ДЕВЯНОСТЫЕ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ

Владимир О. Дэс «Русский клуб» (М., АСТ, 2025)

«Русский клуб» – ещё одна книга о «лихих девяностых». Их за тридцать прошедших лет появилось немало. Разных по жанру – боевики, детективы, триллеры, семейные саги и даже нечто с элементами мистики. Разных по тональности повествования – от шаловливых «ироничных» дамских детективов с обязательным благополучным финалом до суровых брутальных книг о грязных и кровавых разборках, подковерных играх и т. д. От голимого натурализма до фэнтези и прочих измышлений «на тему».

Итак, девяностые. Что ж в них такого, что никак не отпускает? На мой взгляд, неослабевающий интерес к тем событиям происходит оттого, что поколение бывших в ту пору 25–35-летними, которые жили, работали, бились как рыба об лёд, крутились и выкручивались, поднимались или терпели поражения, выживали или не выживали, это поколение сейчас стало зрелым и подошло к тому, чтобы осмыслить время, «когда мы были молодыми». Подвести итоги и реально, без романтического флёра оценить и свои вершины, и – увы! – свои косяки.

* * *

Хорошая книга – это всегда история, язык и, конечно, люди.

История, рассказанная Владимиром О. Дэсом, – о жизни. И, как жизнь, повествование движется поступательно, неспешно, извивисто, но – только вперёд и вперёд. Может быть, именно тем и напоминает главную реку города Нижнеокска из «Русского клуба» – Волгу. Реку спокойную, плавную. А какие уж под ровной поверхностью скрываются омуты, течения и камни, бог весть. Ведь все вроде идёт как должно,

своим чередом, гладенько, но – ап! – и вдруг выворачивается неожиданно драматичной стороной. С невидимыми миру слезами. И, как в течении великой реки, не предусмотрено здесь ни второй попытки, ни возможности отыграть назад, что-то подправить. Есть только это самое необоримое течение времени и событий.

И язык «Русского клуба» напоминает Волгу – без всплесков и красот, спокойно и размеренно, считай, непритязательно, но понятно, что река мощная, потому нырнуть вглубь – страшновато: под обманчивым этим спокойствием может такое открыться!..

* * *

Героев «Русского клуба» автор не обеляет и не обмазывает сплошь дёгтем. Владимир О. Дэс показывает их в разных ситуациях, и понятно становится, что люди-то – все со всеми своими тараканами и в головах, и по жизни. Они – нормальные. Неоднозначные. Живые.

Мне ещё интереснее было читать «Русский клуб» потому, что с прототипами самых ярких и узнаваемых персонажей в силу профессиональной деятельности доводилось сталкиваться.

Кинорежиссёр Сергей Сергеевич Паратов, снимавший в Нижнеокской фильме, друг главного героя «Русского клуба» Глеба. Я в журналистскую бытность мимолётно пообщалась с его прототипом перед празднованиями столетия канонизации преподобного Серафима Саровского.

В день Серафимовских торжеств в город съезжалось православное священство со всего мира (и это не преувеличение), руководство России, губернии, да кого только тогда у нас не было, потому меры безопасности были приняты просто сумасшедшие. Стояла на въезде в город на отчаянной жаре и соображала: кого бы ещё успеть «взять»... Внимание привлек знаменитый режиссёр, который как-то одиноко стоял, терпеливо чего-то ждал. Видно было, что уже устал, что этот государственно-безопасный формализм ему не по душе, но... в чужой монастырь – и далее по тексту. Подошла, представилась, задала вопросы. Получила ответы. Ни тебе столичного чванства, ни высокомерия, присущего немалому числу деятелей его уровня. «Сергей Сергеевич Паратов» написал в моём блокноте добрые пожелания горожанам.

Майор. Друг Глеба рекомендовал ему на должность начальника своего сослуживца майора Мальшева Юрия Валентиновича, тот как раз попал под сокращение. Майор – сухощавый, всегда чисто и аккуратно одетый (костюм, галстук, белая рубашка, ботинки, начищенные до блеска) – производил впечатление человека спокойного, уравновешенного, знающего себе цену. В милиции он работал в отделе по незаконному обороту драгметаллов... Шло время. Взятки Майор не брал, деньги в фирме не «щипал», повышения зарплаты не просил, но у него были очень странные взгляды на жизнь вообще и её устройство в частности. Он считал человека самым обыкновенным сгустком биоматериала. И полагал, что по законам биологии можно легко просчитать действия любого человека. Как и всё живое, любой человек и тысячу лет назад, и сейчас ест, пьёт, размножается, спит, боится смерти и не боится дня, хотя боится ночи. Поэтому для хищника, например, волка, он не что иное, как пища, а не существо, созданное для каких-то высших целей по образу и подобию самого Бога. Хотя лишних людей нет: каждый человек – это частица великого Замысла. Как, например, для огромного количества микробов внутри человека он – оболочка, такой уютный домик для микроорганизмов. Глеб с «Русским клубом» тоже является частью этого мира, и это означает, что Майор честно и тщательно будет охранять тот мир, в котором они существуют вместе.

Майор – человек системы и – ничего парадоксального! – этой же системой выведен из неё. Но такие, как он, на любой работе или службе максимально честно тянут лямку и живут, как мне представляется, по принципу: «делай что должен, и будь что будет». Именно такие трудяги и защитники и есть основа страны, народа. Именно они несгибаемостью своей и приверженностью долгу оттащили страну от пропасти, в которую её старательно сталкивали корыстолюбцы или просто... усердные не по разуму.

Впечатляет сцена, в которой Майор появляется в книге в последний раз. Он сообщает Глебу, что увольняется из «Русского клуба» – в Нижнеокске его больше ничего не держит, умерла любимая жена – и отправляется на Северный Кавказ. Военные действия там в то время ещё не называли контртеррористической операцией... Он шёл на смерть.

С такими, как Майор, тоже довелось поработать в бытность мою газетчиком. И не важно, меньше звёзд на погонах или больше, – «Майоров» на самом-то деле среди силовиков и законников очень и очень немало. Профессиональных, умных, хитрых. Неудобных и несгибаемых. Часто – циничных. Но вызывающих безусловное уважение. Почтение даже.

«Красные директора» Владимира О. Дэса в романе «Русский клуб» – ещё одна когорта профессионалов, трудяг и защитников Отечества:

Директор вдруг встал из-за стола, повернулся спиной к Глебу и молча стал смотреть на пустой двор завода, где две собаки гоняли ком не то бумаги, не то ветоши.

– Так, значит, всё закрыть, сломать, всех разогнать, – вдруг отрывисто заговорил он, продолжая глядеть в окно. – А вы знаете, что я на этом заводе сорок лет? Пришёл простым инженером ковать надёжный щит Родины. Здесь трудятся двадцать династий, сорок орденосцев, два лауреата Ленинской премии. И вот приходите вы и говорите: «Всё, теперь вы все не нужны и защищать страну не надо, пусть пропадает. А мы, новые русские, будем здесь самогон гнать, а вместо столовой, где вы обедали, многоэтажный торговый центр построим, чтобы торговать шмотьём для богатых.

Он вдруг резко повернулся к Глебу и, переместившись за свой стол и опять став грозным и солидным, закричал:

– Нет, господин, так не пойдёт! Передайте это и вашему дружку губернатору! Мы подождём: не может быть такого, чтобы это безобразие продолжалось долго. Не может! Мы не дадим вам Россию продать! – захлебнулся он в крике. Лицо его налилось кровью.

«Красные директора» в жизни пытались по своему разумению адаптировать советские производства к условиям «эпохи первоначального накопления капитала по-русски» (но, правду сказать, больше-то было тех, кто хищнически отгрызал куски госсобственности для себя любимых или целенаправленно гробил российскую промышленность, сливая её зарубежным «инвесторам»). «Красным директорам» Владимира О. Дэса не всё удалось сохранить в Нижнеокске. Да что там, не всем им посчастливилось выжить... Как и во всей России.

И, наконец, губернатор Певцов. С прототипом персонажа довелось сделать несколько интервью и наблюдать его во время губернаторских визитов в наш город, затем – уже в Москве. Во всей красе он проявил себя сразу, ещё в начале 90-х. Читая «Русский клуб», постоянно отмечала, насколько выпуклый, цельный образ Певцова создал автор романа.

Прототипа Певцова в районах, и особенно в глубинке, не жаловали. Ну да, красавчик, говорун... Но маловато для государственного деятеля, не правда ли? Не принимали его всерьёз. Уважение к должности, как ни крути, – протокольная обязательность, а в остальном – «мальчик, а что,

взрослых дома нет?» И очень радовались в области, когда «Борис большой» его в Москву подтащил. А дальнейшая «карьера» и её финал...

Главный герой романа Глеб присутствует в каждой фразе, даже если отсутствует. В аннотации о Глебе говорится: «Смелый парень в начале перестройки создает собственную компанию, и его бизнес развивается очень быстро. Но на каждом шагу будущий крупный деятель провинциального региона сталкивается с проблемами. Как избежать бандитских наездов? Кому из завистливого окружения можно доверять? Как уберечь близких? Чего ждать от власти? И как сохранить не только компанию, но и самого себя в эпоху перемен?».

В какой-то степени автор подсказывает читателю, по какому пути Глеб-предприниматель будет развиваться:

Как-то в разговоре с Аркадием Моисеевичем, отцом Саши, Глеб спросил:

– Сколько надо заработать денег, чтобы стать настоящим бизнесменом?

– Столько, – ответил Аркадий Моисеевич, – сколько нет у других.

– А конкретно? Тысячу? Миллион? Миллиард? Есть ли предел допустимого богатства?

– Этого предела нет, – сказал Аркадий Моисеевич. – И быть не может. У человека слишком много фантазий, желаний, и богатеть он хочет до бесконечности. А бесконечность не имеет границ. Я вижу ваши потуги разбогатеть и хочу напомнить, что основной закон капитализма – это создание прибавочной стоимости. А прибавочная стоимость создаётся только в товаре. И если вы хотите получать серьёзную прибыль, то вначале наладьте своё производство.

Что герой романа и сделал.

Герои «Русского клуба», будь то дед Яков, похожий на песенного Кудеяра и некрасовского крестьянина Савелия, «сказочное создание», светлый ангел Ида, уличные сапожники, мелкие и крупные жулики, бандиты, трусы и предатели, да просто прохожие с улиц Нижнеокска – все они прекрасно выписаны. И сам губернский город Нижнеокск – со студенческих моих времен любимый Горький – Нижний, тоже по праву может считаться значимым героем романа «Русский клуб», а отнюдь не декорацией.

* * *

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживают два эпизода, в которых автор обращает внимание не на людей, а на... собак. Горький эпизод смерти кавказской овчарки, которую Глеб погубил неосторожным словом, и ироничный фрагмент о дворняге деда Якова.

Глеб, конечно, не знал, что его дед, при всей своей мудрости и правильности, имел грешок, известный всему селу. После Великой Отечественной войны в Миловке остались одни вдовы. К ним и стал заглядывать Яков. Похаживал и думал, что никто об этом не ведаёт и видеть не видит. Вроде умный мужик, но «не разведчик».

Частенько в сумерках задами отправлялся он к очередной кумушке, а его собака у всей деревни на виду порядком шла к дому, куда дед пробирался тайно. Собака ложилась перед крыльцом счастливой бабёнки и ждала. Яков под утро опять задами, не замеченный никем, как ему казалось, пробирался к своему дому, а его собака через всю деревню весело бежала домой и там уже, радостно виляя хвостом, встречала своего хозяина на родном крыльце.

Псы – вообще зеркало своих боготворимых хозяев. Первая производная.

Весьма болезненная тема 90-х, поднятая в романе «Русский клуб», – отношения «народ – власть». Описываемое в «Русском клубе» время – по сути безвременье. Беззаконное, разухабистое, злое и... растерянное. Прежние законодательства – СССР и РСФСР – не работают, новые законы ещё не написаны. Вот и лавировали – кто как умел, кто как мог. Или не лавировали – шли напролом.

Взаимодействие народа с властями – на разных уровнях – прописано в книге безжалостно. С печальным осознанием подоплёки происходящего. Это и противостояние деда Якова с неверующим председателем колхоза, и грабительская павловская реформа, и кустарь-сапожник у Мытного рынка, которого согнали-таки с прикормленного места, и конфликт «красных директоров» с губернатором Певцовым. Да, пожалуй, весь роман – именно об этом (хотя обозначены и попытки наладить диалог, но они не слишком убедительны, неуклюжи). Резче всего взаимодействие народа и власти высвечено в противостоянии Певцова и Глеба.

Подтягивание предпринимателя к «обойме» происходит постепенно; несмотря на брезгливость, увязает Глеб в этих болезненных связях прочно, как муха в меду (или в чём там ещё?). Пик нездоровых отношений наступает, когда Певцов, мстя за проигрыш в казино, втянул Глеба в преступную авантюру с иностранным займом, отвечать за который пришлось бы герою романа. Отвечать всем, что имел: благополучием родных и работников холдинга, собственными предприятиями, капиталом, честным именем. Жизнью. Этого капкана Глеб чудом избежал, но принять принцип «с волками жить – по-волчьи выть» не пожелал. Герой постепенно осознает: будучи при власти, как ни старайся сохранить себя – не получится. Либо встраиваешься, либо тебя вычёркивают из жизни. И в дальнейшем не помогли ему ни министерский пост, ни изящное перенаправление взяток на благие дела. Ибо механизм власти затачивает людей под себя, превращая в шестерёнки. И сбоя не потерпит – исторгнет. Потому финал детища Глеба – «Русского клуба» – был, увы, предсказуем.

Тех, какими мы были в девяностые, уже нет. И не будет. Такие книги, как «Русский клуб», нам, нынешним, помогают трезво взглянуть на жизнь и увидеть те аспекты её, которые в суете, в текучке проходят мимо. Такие книги – это переоценка и прожитого, и себя. У всех эти самые «лихие девяностые» – свои. Читая «Русский клуб», мы увидели девяностые Владимира О. Дэса и его города Нижнеокска.

И роман «Русский клуб» – не только и не столько ностальгия по юности. Он – осмысление: получили ли мы то, чего ждали, жаждали, к чему рвались в молодости? Изменили бы свою жизнь, как именно, если бы знали, какими станем?